

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ВВЕДЕНИЕ	17
глава 1. СВИДЕТЕЛЬСТВА ДОСТОВЕРНЫЕ	29
глава 2. СВИДЕТЕЛЬСТВА СОМНИТЕЛЬНЫЕ, ОШИБОЧНЫЕ И ПОДДЕЛЬНЫЕ	71
глава 3. ЛЕЛЯ	95
Источники	96
Аргументы «против».....	114
Контраргументы.....	115
Аргументы «за».....	120
I. Могло ли слово «леля/ляля» быть именем?	120
II. Могло ли имя «Леля/Ляля» использоваться в припевах?.....	121
III. Что могло означать имя «Леля/Ляля»?.....	126
IV. Отношение к сакральному	130
V. Польские свидетельства	136
VI. Белорусский обряд.....	139
VII. Чешская богиня.....	140
глава 4. ЗАРЯ	142
1. Культурное почитание	147
2. Образ девушки/девушки.....	151
3. Мифологическая мотивация	154
4. «Звезда из звезд»	158

глава 5. ОБЛИКИ / ОБРАЗЫ	193
I. Антропоморфный облик Весны	194
II. Божественный статус.....	196
III. Персонификация праздника	200
IV. Женский образ (девушка, мать)	203
V. Человек.....	206
1. Встреча весны.....	217
2. «Кульминация» весны	223
Королева	226
3. Проводы весны	229
Весна	229
Кострома.....	229
Кострубиха.....	232
Стрела («сула»).....	235
Семичиха	235
Русалка	237
Жена Фомы	243
Перегеня.....	243
Барыня / Панночка.....	244
Безымянный персонаж	245
Березка	246
Куст.....	246
Тополя.....	249
Лиственная баба.....	249
Колосок	249
Кукушка	250
VI. Кукла / чучело.....	252
1. «Кульминация» весны	255
Лазарка	255
2. Проводы весны	256

Весна	256
Королева	257
Царица	257
Кострома.....	257
Стрела	262
Семичиха	263
Русалка	264
Жена Фомы	267
Ярилиха.....	267
Шут(иха)	269
Иные имена	270
Безымянный персонаж	271
Березка	273
Куколка.....	279
Кукушка / птица.....	280
VII. Дерево / растение.....	286
1. Встреча весны.....	292
2. Проводы весны	297
Иные деревья.....	302
«Репей»	302
Кукушка.....	304
Соловушка.....	305
VIII. Птица.....	306
Соловушка	311
Плишка (трясогузка).....	312
Воробей	312
Кукушка.....	312
IX. Лето	314
Приложение 1. КРУГ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВА «ЛЕЛЯ»	320
Литература.....	330

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Мысль о том, что славянская мифология представляет собой не меньший интерес, чем мифология Древней Греции или Египта, не нова и едва ли может вызвать возражения. Однако то, что А. Погодин назвал когда-то «загадкой славянской мифологии», до сих пор продолжает оставаться загадкой, несмотря на многолетние усилия лингвистов, историков и этнографов, не давшие сколько-нибудь заметных результатов. /.../ Мы много знаем о культах Адониса, Изиды, Озириса, но по-прежнему мало или почти ничего не знаем о славянских божествах Хорсе, Дажьбоге, Мокоше, Ладе, Яриле» (Этерлей, С. 102). Так писала лингвист Е.Н. Этерлей в 1975 году. С тех пор миновало почти 50 лет, но по-прежнему можно согласиться с каждым словом. И с тем, что славянская мифология ценна и интересна не менее духовных традиций великих цивилизаций древности, и с тем, что дела в ее изучении плохи. К XXI веку толком ничего не изменилось.

Ситуация сложилась весьма странная и даже патовая. Со времен изучения славянской мифологии по настоящее время прошло более 250 лет, и за это время сделано крайне мало. Практически нет толковых реконструкций ритуального календаря, мифов, образов богов, их культов. Нет в научной среде согласия хотя бы в том, каков был уровень или потенциал славянского язычества. Чем оно было? Дремучим суеверием или высокой духовностью? До сих пор спорят о вероятности заимствования богов у соседей (угро-финнов, прибалтов, германцев, скифов), о правдоподобности тех или иных богов. А воз и ныне там.

Да, первые пробные работы были откровенно ученическими, слабыми. М.И. Попов (1768), М.Д. Чулков (1782), Г.А. Глин-

ка (1804), А.С. Кайсаров (1807) только начинали тему, и на тот момент прорыва ожидать не стоило. Но уже вскоре на смену им пришли вполне трезвомыслящие исследователи, работы которых показали потенциал научных усилий: А. Глаголев (1820), И.Я. Гануш (1842), И.И. Срезневский (1846), Д.О. Шеппинг (1849), А.Н. Афанасьев (1850), Ф.И. Буслаев (1854). За ними последовали А.А. Потебня (1860), А.С. Фаминцын (1884), Н. Нодило (1886), А.Н. Веселовский (1889) и многие иные. XX в. был не менее богат на имена: Н.М. Гальковский, Е.В. Аничков, Л. Леже, В.Й. Мансикка, А. Брюкнер, Л. Нидерле, В. Чайканович, Х. Ловмянский, В.Н. Топоров, В.В. Иванов, Б.А. Рыбаков, не говоря уж о менее известных.

Было множество прорывных идей, но все они как-то угасли, не поддержанные следующими поколениями ученых. Была проведена необходимая инвентаризация и систематизация дошедшего до нашего времени объема данных о славянском язычестве. Разработаны новые методы работы с этой информацией. Через сито критики пропущены гипотезы спорные, наряду с сомнительными сведениями о язычестве, что позволило преодолеть неизбежную болезнь роста. Расширена база источников за счет новых фольклорных записей, вторичных и косвенных свидетельств. Но... воз по-прежнему там же.

О славянской мифологии по-прежнему известно мало, что и сыграло свою негативную роль в наполнении книжного рынка разного рода поделками, спекулирующими на этой теме. Востребованность читателем даже такого суррогата говорит о неослабевающем интересе народа к своим корням, к архаике, к верованиям своих предков в желании найти там некие ответы на жизненные вопросы, обрести уверенность в древности и достойном месте своего этноса среди иных народов мира. В общем-то это государственная задача, на которую следовало направить усилия научных коллективов соответствующего профиля, – но она отдана на откуп одиночкам, добровольцам от науки, а те не в силах справиться ни с девятым валом про-

блемы, стоящей перед ними, ни с толпами любителей пофантазировать на тему славянского язычества...

Проблема славянской мифологии, славянского язычества общеизвестна: явных свидетельств древней духовной традиции стараниями христианства осталось не так много. В силу этого наука оказалась в условиях, далеких от комфорта. В одной из своих предыдущих работ я уже подробно описывал данную ситуацию, и мне остается только повторить ранее сказанное о сложностях с источниками.

Во-первых, нужно учитывать, что тексты, содержащие упоминания о славянских языческих божествах, писались представителями враждебного стана, и в целях не просветительских или хотя бы описательных, но исключительно полемических. Летописцу-монаху нужно было броско обозначить «языческие суеверия», которые следовало обличать и проклинать, для чего в текст и вводилась определенная сумма имен и культовых реалий, ему хорошо знакомых лично или по предыдущим авторам, и должных легко опознаваться читателем или слушателем. Эта цель достигалась, но, разумеется, было бы наивным предполагать, что составитель обличения отразил в своем тексте все существующие в местности, где тот подвизался, представления о богах, перечислил все имена их. Что-то всегда остается «за кадром». А применительно к древнерусскому и славянскому в целом лето- и бытописанию это «что-то» может достигать воистину громадных размеров.

Второе. Наше представление о языческом пантеоне славян, основанное только на данных письменных текстов, упоминающих имена некоторых из богов, в известной степени случайным образом попавших на их страницы, никоим образом не является полным еще и по той причине, что авторы обличений отражали лишь доступные им реалии, не имея возможности и необходимости расширять свой и читателя кругозор относительно языческих верований. Мы сейчас можем видеть, как в пределах губернии от одной деревни к другой разнятся диа-

лекты, традиционная одежда, обрядность, при том, что формы хозяйствования в данном локусе идентичны. В деревнях, разделенных друг от друга парой километров, Масленица справляется не одинаково: там мастерят чучело, а тут – жгут краденую солому на перекрестках, подразумевая то же действие. При этом соседи прекрасно осведомлены об обычаях друг друга, тщательно подмечая (и порой высмеивая) чужие «странности». Хотите другой пример? В Греции, великой языческой Элладе, не было единой мифологии и единого пантеона, как можно подумать, глядя на схемы в школьных учебниках. И в разных областях страны один и тот же миф рассказывали кардинально отлично, и столь же разно могли чтить одних и тех же богов. Далее: местночтимые боги потому и были местночтимыми, поскольку в других областях заселенной греками земли они не почитались и даже вовсе не были известны. У славян точно так же, как и у всех народов мира, не было один раз и навсегда утвержденного кем-то пантеона. Одни боги были известны всем, другие, известные под разными именами, могли создать впечатление, что это разные божественные сущности, относительно третьих можно полагать, что их почитали локально. Так что автор, охвативший своим взглядом часть ненавидимого им языческого мира, разумеется, не мог знать всего. Периферия со всевозможным калейдоскопом верований, что в Греции, что в Древней Руси или Польше, не нашла бы у него отражения. Его полемика оперировала лишь небольшим объемом информации, сочтенным летописцем достаточным для цели его работы. Для нас же это означает одно: за рамками обличительного повествования могло оставаться множество имен богов и богинь.

Третьим номером предлагается ситуация абстрактная. Представьте себе, что до нас бы дошло еще меньше текстов Древней Руси, где о богах хоть как-то, но говорилось. Почему нет? Предпосылки к этому предостаточно: начиная с того, что бумага и пергамент вообще плохо переносят время, и заканчивая по-

жарами – бытовыми и военного времени, стиранными с лица русской земли целые города. Если с более ранних рукописей не делать копии, то до нас не дойдет – велика вероятность – почти ничего. Представили? Всё, обличительных окриков монахов и проповедников не сохранилось. Так вышло. Мы знаем, что они были, но... Иго, пожары в Новгороде, Наполеоновское нашествие... В итоге текстов периода, когда о язычестве еще говорили в литературе, не осталось. А теперь вопрос к тем, кто стоит на гиперкритических позициях: стал бы такой пробел в источниках основанием для утверждения о том, что у славян и религии-то своей не было, что уж там о Богах говорить? Нет, что-то глухо о том говорят византийцы, арабы, немцы... Но глухо, недостоверно, а может, и не про русские земли... И, как итог, – нам неизвестны имена Сварога, Дажьбога, Мокоши, Стрибога... Их нет в тех других источниках, созданных не внутри, а сторонними наблюдателями-иностранцами. Так что в этом случае? Отрицать любую возможность существования у славян собственной мифологии? Только лишь на основании молчания или отсутствия источников, пусть даже и предвзятых? Надеюсь, читателю ясна нелепость логики тех, кто считает именно так... Мы, разумеется, говорили в первую очередь о древнерусском летописании, но, положа руку на сердце, у западных славян с фиксацией сородичами-иноверцами языческих реалий дело обстояло немногим лучше, а у южных – сильно хуже.

Хотелось бы присовокупить сюда же соображения известного отечественного санскритолога В.С. Семенцова, что примечательно, высказанные о вполне себе письменной традиции Древней Индии: «Как известно, исследователь древней культуры практически всегда работает в условиях нехватки фактов: точнее, ему приходится иметь дело с материалом, так сказать, «по определению» фрагментарным: ведь даже самая простейшая семантика текста ему подчас недостаточно ясна. Пытаясь хоть как-то заполнить те бесчисленные лакуны, с которыми

он сталкивается, исследователь может рассчитывать лишь на свой здравый смысл и умозаключения по аналогии» (Семенцов, С. 4). Пока все логично, понятно, и любой исследователь славянских древностей с готовностью отнесет все сказанное и к своей ситуации. Но далее звучит следующее: здравый смысл исследователя не позволяет ему предположить в представителях изучаемой древней культуры ни кругозора, ни нравственного воспитания – ничего того, что «составляет привилегию только культуры нашего времени». Не имея возможности внятно представить носителя такой традиции, исследователь подставляет на его место «человека вообще», а чаще всего – самого себя. Допуская, что у живущего некогда в древности «человека вообще», конечно, имелся «общечеловеческий здравый смысл» и «примитивные / наивные потребности», на выходе исследователь приходит к устраивающей его мысли, что выдуманная им фантомная культура хотя имела какую-то свою поэзию, но та была «весьма наивна», религия – «наивна», философия – «крайне наивна». «Механизм образования таких представлений, как мы видим, несложен: исследователь сначала ссужает воображаемым носителям древней культуры свою собственную «наивность», а затем получает ее назад в любых количествах, расписанную по соответствующим разделам. Можно даже указать общий принцип построения такого рода мнимых интерпретаций: чем менее ясна для нас функция того или иного явления в изучаемой культуре /.../ тем более «наивным» оно нам будет казаться» (Семенцов, С. 4–5). Распространив это на славянскую тему, мы получим типичного гиперскептика типа Е.В. Аничкова, который все, что у славян-язычников не понимает и не допускает, считает «наивным» и «примитивным», «неразвитым» и «(духовно) бедным». Отповедь В.С. Семенцова, данная своим коллегам, дает возможность всем тем, кто отказывает славянскому язычеству в развитой духовности и глубине, взглянуть на себя со стороны и оценить степень собственной наивности. Непонимание, неже-

ление искать и понимать есть признак предвзятости. Непонятное – не наивное, а необъясненное.

Позволю себе еще один пассаж и цитату. Ничтожно малое количество сведений о язычестве – очевидная и неоспоримая вина христианства. Несмываемое кровавое пятно на его репутации. Каждый непредвзято мыслящий человек согласится со сказанным далее: «Истребление славянской языческой веры в нашем народе путем убийства духовенства и наиболее ревностных мирян, разрушение капищ и уничтожение предметов культа (изображений богов, жертвенников и т.п.), запрещение чтения священных славлений богов и заговорных текстов, насаждение сознательно искаженного представления о сути языческой религии и ее культовой сферы, и утверждение в противоположность языческому монотеистическо-христианского сознания дало все же свои плоды, которые русский народ и древняя традиция пожинаяют в наше время». Но, разумеется, ни один православный с этим утверждением не согласится и подвергнет критике каждое слово. Однако хитрость в том, что в реальности это абсолютно христианский пассаж, вышедший из-под пера довольно одиозной православной исследовательницы Х.В. Поплавской (Поплавская, С. 42). Только в оригинальном тексте автор сетовала не о язычестве, уничтоженном христианством, а о христианстве, уничтоженном коммунизмом. Я лишь заменил храмы на капища, библию на заговоры, христианство на язычество, а коммунизм-атеизм на христианство. И уже к оригинальному тексту у нашего гипотетического православного не будет никаких претензий, он согласится со всем до буквы. Это двойные стандарты, разумеется, но факт остается фактом: всё сказанное Поплавской созвучно любой уничтоженной традиции, объясняя, в том числе, бедность современной источниковедческой базы по славянской национальной вере.

Наверное, после создания исследовательской работы, посвященной образу Марены, богини смерти у славян, было

ожидаемо, что однажды появится и аналогичное исследование о Живе, богине жизни. Работа действительно оказалась написана, и от первой ее отделяет девять лет.

О богине, речь о которой пойдет в настоящем исследовании, каким бы именем славяне-язычники ее ни наделяли, нам, как ни странно, известно весьма и весьма немало. Противоречия с ранее сказанным тут нет, и далее станет ясно, почему. Это не такой уж частый случай в науке, изучающей древние верования (мифологии, в первом значении термина). Имеются надежнейшие исторические свидетельства о ее почитании, фиксирующие имя богини и говорящие об областях ее покровительства. В практически не поддающемся подсчету количестве известны обрядовые песни в ее честь (но это нам еще только предстоит обосновать). И описания обрядов с ее изображением и возле него довольно многочисленны. Есть в этом материале немало и загадок, ответы на которые мы попробуем поискать.

Целые поколения ученых, маститых и не очень, каждый на свой лад признают существование данной богини в славянском пантеоне, что существенно облегчает предстоящий автору труд, ибо не потребуется на каждом шагу доказывать очевидное.

Картина в целом предельно благостная, за одним лишь досадным исключением. Корпус сведений о богине до сих пор не был сведен воедино и описан цельно, как единый комплекс-связка: культ, миф, образ, обряд. Говоря о ней, исследователи варьируют свои мысли в диапазоне от упоминания такой богини, с некоторым предположительным перечислением ее «функций», до изложения наиболее доказательной части фактического материала, с неизбежным заходом в упомянутые загадки. В результате остается смазанное впечатление от фигуры богини и неполное понимание не только ее роли, но и того, каким образом отправлялся культ богини, в чем он, собственно, мог состоять. Как ее славили, кто, где и зачем? О чем были

посвященные ей мифы? Насколько важное значение имело поклонение богине жизни?

Данная работа, продолжая авторский цикл исследований образов славянских языческих божеств, ставит своей целью постараться ответить на все эти вопросы, опираясь исключительно на проверенные материалы – исторические, лингвистические, фольклорные и этнографические. Мы будем говорить о богине Живе, богине Весне. И пусть не все ответы получились исчерпывающими и однозначно убедительными, но попытка все же сделана.

В отличие от предыдущих книг из цикла исследований образов славянских божеств, публикуемых автором, работа, посвященная Живе, будет построена с достаточным вниманием к мнениям предшественников, и вот по какой причине. Образы Чернобога, Марены, Стрибога и Морского Царя изучались прежде недостаточно подробно, и тут автору было что сказать нового, а потому мысли прежних исследователей мало могли чем помочь. Образ Перуна в науке разбирался довольно детально, и потому представление о нем сложилось настолько однозначное, что перечислять мнение научного консенсуса не имело особого смысла. Но в случае фигуры Живы-Весны все оказалось куда сложнее. В XIX веке исследователями о ней было сказано изрядно, и важные идеи прозвучали, но... в XX веке, не говоря уж о XXI, их уже не слышали. А ведь самые первые наши мифологи относительно Живы многое изрекли по делу (иногда основываясь лишь на одной научной интуиции, опередив свое время). Именно поэтому нам придется достаточно подробно перебрать и рассмотреть ценные идеи, некогда озвученные ученым сообществом, где-то присоединившись к их мнению (оговорив такие моменты особо), где-то их по возможности развив, с опорой на материал, введенный в научный оборот уже после трудов этих авторов.

Следует специально оговорить ряд моментов, чтобы в дальнейшем избежать непонимания читателя. В работе часто ис-

пользуются материалы Г.М. Науменко по детскому фольклору. При всем уважении к собирателю, нужно иметь в виду, что публикуемые им тексты очень часто вызывают сомнение, несмотря на наличие паспортов (место, время записи, имена информаторов). Одни кажутся литературно обработанными, другие очевидно авторские, но подаваемые под видом народных. Замечен Науменко в правках даже чужих записей. Так, в тульской веснянке «Чувиль-весна» (Науменко 1986, № 133) оригинал иной: «Чувиль-мошна» (Пушкина С., Григоренко В. Приокские народные песни. – М., 1970, № 15). Тем не менее, поскольку однозначно это не доказано, мы будем использовать и подобные, представляющиеся не вполне достоверными примеры, сопровождая их пометкой «**СОМН.**».

Также наше исследование будет часто касаться ряда тем, рассмотреть которые в рамках данной работы не представлялось никакой возможности, настолько они обширны и глубоки. Частично они будут описаны, но и только, иначе пришлось бы уйти сильно в сторону от основной задачи. Эти темы следующие: божество Ярило и его культовые практики; обряды праздника Купалы, в которых уничтожаются символы уходящего летнего сезона; символика березы и ели в обрядах, связанных с девушками. Возможно, в будущем к каким-то из этих тем еще удастся вернуться.

В данной книге я предполагаю частично реанимировать наблюдения предшественников мифологической школы (и ученых, высказавших сходные мнения), отталкиваясь от их интереснейших соображений, не противоречащих логике и новейшим фольклорным данным. Полученная мифологическая картина оказалась весьма любопытной и позволяющей, на взгляд автора, непротиворечиво объяснить ряд загадок восточнославянской этнографии. Если наша задача – познавать духовную традицию языческих предков – этой работой хоть в малейшей степени будет выполнена, сочту свой труд не напрасным.

Сердечные благодарности автора – моим друзьям, тем, кто помогал материалами и советами: египтологу В.В. Солкину (Россия, г. Москва), доктору философских наук Й. Мачуде (Чехия, г. Зноймо). Отдельно следует поблагодарить моего близкого друга, доктора исторических наук К.Ю. Рахно (Украина, г. Полтава), постоянно выручавшего меня с редкими источниками, переводами с латыни и немецкого языка и своими дельными замечаниями, позволившими улучшить мое исследование. И непременно – Ракиту, мою любимую жену, взявшую, как уже давно повелось, на себя нелегкий труд редактора данной книги, попутно давая ценные идеи.

Книгу же я посвящаю многострадальному братскому украинскому народу, перемалываемому в жерновах войны...

27.04.2023 – 13.03.2024

ВВЕДЕНИЕ

Прежде чем перейти к собственно исследованию, нужно высказать несколько соображений общего характера, позволяющих обозначить теоретические построения, что лежат в основе исследования.

Изучение образов Божеств неминуемо ставит перед исследователем комплекс вопросов из области культа и мифологии. Безусловно, это вызов аналитическим способностям, равно как и проверка на способность оставаться в поле логики, без перехода в область фантазирования¹. Анализу и воссозданию прежних мифов, утраченных в веках, но оставивших после себя множество следов в языке, фольклоре, топонимике и т.д., посвящены работы так называемой «мифологической школы», лицом которой в России был великий А.Н. Афанасьев, а последним ярким ее представителем – А.С. Фаминцын. Интересные наблюдения этой школы не смогли спасти ее от неминуемого кризиса, в который исследователей завела методология. Если допустить, что в основе любого мало-мальского языкового факта или этнографического примера лежит символ, на основании которого можно реконструировать стоящий за ними миф, то это однозначный тупик. В результате достойные наблюдения мифологической школы незаслуженно оказались на свалке истории вместе с их совершенно завиральными построениями.

В XX в. к анализу мифологии славян всерьез обращались только археолог Б.А. Рыбаков и такие маститые исследователи-лингвисты, как В.Н. Топоров и В.В. Иванов. Титанические,

¹ «Нет нужды говорить о трудностях и опасностях, ожидающих исследователя, задавшегося целью реконструировать какой-либо «восточнославянский» ритуал или миф, опираясь на исторически поздние данные» (Бернштам 1993, С. 45).

но порой неуклюжие усилия академика Б.А. Рыбакова привели к тому, что в научном (не археологическом) сообществе упоминание его имени вызывает легкую улыбку, и мало кто сейчас готов обсуждать его идеи. Такой результат был во многом закономерен, так как профессионал, археолог с мировым именем, решил применить свой исследовательский талант в области малознакомой, где оказался не вполне компетентен. Отдельные интересные мысли он все же высказал, но в целом его мифологические штудии сыграли, скорее, не вполне позитивную роль в судьбе слов «славянская мифология» и понятии «мифолог». Сейчас, наверное, никто не рискнет назвать себя мифологом, т.е. исследователем мифологии, ибо, скорее всего, люди услышат вместо этого что-то наподобие «сочинитель мифов», «баснописец». Несерьезная слава последователя мифологической школы в XX в. никому была не нужна, последователей у Б.А. Рыбакова оказалось немного, хотя его отдельные идеи регулярно озвучиваются то студентами и школьными учителями, то авторами недоброкачественно слеplенных книг с претенциозными названиями вроде «Славянская мифология» / «Мифология славян».

В.Н. Топоров и В.В. Иванов также обращались к славянской мифологии и реконструкции образов богов и мифов, сделав на этом поприще немало. Однако же колоссальный объем знаний, которым оперировали два этих титана, привели их к мыслям об воссоздании общеиндоевропейских мифологических моделей, в которых славянской мифологии нашлось лишь небольшое место. В результате частные соображения о славянских богах и их культах были высказаны, и даже в большом количестве, но ничто из этого не было разобрано, так сказать, до конца. Озвучены важнейшие наблюдения о Велесе, Перуне, Яриле или Мокоши, однако дальше дело не пошло. Книг об этих божествах не появилось, что определенно было связано с широчайшим кругом интересов близнечной связки Иванов-Топоров, банально не имевшей времени отвлекаться от за-

хватывающих ее воображение сверхидей. Для отечественной славянской мифологии – науки об изучении славянских мифов – это обернулось все тем же: малым пополнением багажа знаний. В настоящее время заслуги глыб по фамилиям Иванов и Топоров общепризнаны, наблюдения их по возможности учитываются, вот только должного дальнейшего развития они не получили, – если не говорить о трудах их ближайших коллег и последователей, в настоящее время либо уже ушедших из жизни, как и их научные руководители, либо уже не работающих на научном поприще в силу преклонного возраста...

Капитальная работа Б.А. Успенского «Филологические разыскания в области славянских древностей (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского)» (1982) – прекраснейший образец мифологических штудий. При всей подразумеваемой обширности культа Велеса, для исследования взят лишь один аспект (отражение данного культа в традициях почитания св. Николая), с успехом препарирован и осмыслен. Это фундаментальное исследование показывает, как можно сосредоточиться на узкой мифологической проблеме, практически исчерпав тему.

Другие известные исследовательские школы близкой направленности (В.Я. Проппа, Н.И. Толстого) высшую мифологию как таковую не затрагивают, сосредоточив свое внимание на иных объектах славянской духовной традиции, более осязаемых и постижимых. Таково положение дел в славянской мифологии, как ни прискорбно. О богине Живе-Весне исследователи больше не пишут, к идеям исследователей XIX века не обращаются.

Обращаясь к славянской мифологии и образам языческих богов, любой исследователь неминуемо упрется в барьер, созданный состоянием имеющихся источников. Так что при первом подходе к изучению образа богини Живы мы сталкиваемся с очевидной проблемой – скудость информации. Письменные сведения немногочисленны, фрагментарны, неоднородны, все